

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ДИСКУССИЯ О КЛАССИЧЕСКОМ И РЕАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ: ОБСУЖДЕНИЕ «УЧЕБНОЙ РЕФОРМЫ» Д.А. ТОЛСТОГО В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ (1871–1872 ГГ.)

В.Е. Воронин

Московский педагогический государственный университет
пр. Вернадского, 88, Москва, Россия, 117571

Статья посвящена важному событию в политической истории России эпохи Великих реформ – дискуссии о роли реального и классического образования в высших правительственных кругах России в начале 1870-х гг. Особое внимание уделено рассмотрению проектов реформы гимназического образования в высшем законосовещательном органе Империи – Государственном совете – и выработке позиций сторонников и противников министра народного просвещения Д.А. Толстого.

Ключевые слова: классическое и реальное образование, Эпоха Великих реформ, гимназия, Государственный совет, народное просвещение.

В ходе исследования проблематики политической и социальной истории России эпохи Великих реформ 1850–1870-х гг. вопросы, связанные с преобразованиями в отечественной системе народного просвещения, неоднократно обращали на себя внимание историков. Разные аспекты «учебной реформы» министра народного просвещения гр. Д.А. Толстого затрагивались в трудах дореволюционных историков: С.С. Татищева, С.М. Рождественского, И.А. Алешинцева и др. (1). При этом речь шла, главным образом, о правительственной политике в делах образования.

В советский период на первый план вышли вопросы, связанные с опытом развития школьного образования и педагогической мысли, а также с процессами становления интеллигенции как нового социального слоя и, конечно, с историей революционной деятельности учащейся молодежи (2).

В последние годы в исторической науке возрастает интерес к образовательной политике правительства как к неотъемлемой части той борьбы, которая происходила в высших эшелонах власти Российской империи между умеренно-либеральными и консервативно-настроенными государственными и общественными деятелями. В этой связи следует назвать крупные работы Е.Л. Стаферовой и И.А. Христофорова (3).

Вместе с тем требует отдельного рассмотрения вопрос о противоборстве различных политических течений внутри правительства в период подготовки «учебной реформы» гр. Д.А. Толстого в начале 1870-х гг.

Сторонники «учебной реформы» 1871–1872 гг. напрямую связывали ее осуществление с торжеством «консервативных» идей, а противники отстаивали либеральный «Устав гимназий...» 1864 г. как одно из важнейших преобразований первого десятилетия царствования Александра II.

Особого внимания заслуживают взгляды и деятельность вел. кн. Константина Николаевича в вопросах «учебной реформы». Брат императора Александра II, председатель Государственного совета и один из главных представителей либерального крыла правительственного лагеря, великий князь играл большую роль в выработке внутривластного курса.

Кардинальные преобразования в области народного просвещения первой половины 1860-х гг. были направлены на становление бессловных, общегражданских начал в государственном и общественном строе России.

Инициатором реформ в образовательной сфере выступил либерально настроенный государственный деятель А.В. Головнин, который с конца 1861 г. занимал пост министра народного просвещения.

Реформы Головнина существенно демократизировали систему образования.

В 1863 г. был утвержден новый Университетский устав, предоставлявший университетам широкие права самоуправления.

Гимназический устав 1864 г. не только вводил формально бессловный принцип приема и обучения в средних учебных заведениях – гимназиях, но и впервые создавал в стране две системы образования – *классическую* и *реальную*. В классических гимназиях было отдано предпочтение изучению гуманитарных дисциплин, особое внимание уделялось древним «классическим» языкам – латинскому и греческому. В реальных гимназиях не было древних языков, но более глубоко изучались точные и естественные науки, а также иностранные языки – немецкий и французский. Выпускники классических гимназий могли поступать в университет без экзаменов; выпускники реальных гимназий имели преимущественное право поступления в высшие технические учебные заведения, но их доступ в университеты был, по настоянию оппонентов Головнина, ограничен.

В апреле 1866 г., после покушения Каракозова на Александра II, А.В. Головнин на посту министра его сменил гр. Д.А. Толстой. Новый министр

стоял на консервативных позициях и был намерен подвергнуть пересмотру многие либеральные начинания своего предшественника.

Гимназический устав 1864 г. регулярно подвергался резкой критике на страницах популярной газеты «Московские ведомости».

Издатель газеты М.Н. Катков считал реальные гимназии рассадником «нигилизма», а также говорил о «несостоятельности» реального образования как такового, которое именовал не иначе как «полуобразованием» (4).

Катков приобрел большое влияние на министра народного просвещения и выступил в качестве идеолога нового реформирования гимназий.

Катков и Толстой считали необходимыми такие изменения в образовательной системе России, при которых безусловный приоритет закреплялся бы за классическим образованием.

В законопроектах, разработанных Министерством народного просвещения, статус гимназий предполагалось сохранить только за классическими гимназиями; реальные гимназии подлежали преобразованию в реальные училища, учащиеся которых получали бы, в основном, технические знания прикладного характера для дальнейшей деятельности в различных отраслях промышленности и торговли. При этом подчеркивалось намерение полностью закрыть выпускникам реальных учебных заведений доступ в университет. Именно в избавлении университетов от выпускников реальных учебных заведений – выходцев из социальных низов, из разночинской и малообразованной среды, пропитанных идеями «материализма», атеизма и «нигилизма», авторы «учебной реформы» видели залог преодоления оппозиционных и революционных настроений среди молодежи и в обществе в целом.

Противниками замыслов гр. Д.А. Толстого выступили правительственные либералы – бывший министр народного просвещения А.В. Головнин, военный министр Д.А. Милютин и председатель департамента государственной экономии Государственного совета генерал К.В. Чевкин.

Вел. кн. Константин Николаевич в своих воззрениях на дела народного просвещения многие годы ориентировался на мнение А.В. Головнина – своего ближайшего советника. Однако политическое окружение вел. кн. Константина Николаевича не было однородным. Адьютант великого князя А.А. Киреев, считавший себя «консерватором», активно соперничал с А.В. Головниным в борьбе за влияние на царского брата. Киреев был также убежден, что общественный авторитет его патрона только укрепится в случае его сближения с М.Н. Катковым.

В 1869 г. М.Н. Катков был милостиво принят великим князем. Целью визита Каткова было привлечение Константина на сторону проекта реформы народного образования, подготовленного под началом гр. Д.А. Толстого. Катков добился успеха и «вернулся домой с твердым убеждением, что великий князь будет на стороне гр. Толстого» (5).

В конце 1870 г. Катков решил прямо обратиться к царскому брату за поддержкой своего замысла преобразования всей системы гимназического

образования в России с целью возвышения роли классической системы. Он вновь побывал у вел. кн. Константина Николаевича и изложил ему свои идеи. Великий князь в дневнике заметил, что имел с Катковым беседу «о разных системах народного образования и о его опасениях, на чем остановится правительство» (6).

Головнин узнал о визите Каткова к вел. кн. Константину Николаевичу от Киреева. Катков, через Киреева, просил Головнина принять его. Головнин отказал, сославшись на нездоровье (7). Он явно не одобрил «консервативный» поворот царского брата, инспирированный Киреевым.

В начале 1871 г. проекты реформы образовательной системы, разработанные в Министерстве народного просвещения, поступили в Государственный совет. Первый предусматривал переустройство гимназий, второй – преобразование реальных гимназий в реальные училища, третий – открытие городских училищ вместо уездных. Безусловный приоритет в системе образования предполагалось отдать изучению гуманитарных дисциплин и древних языков.

Объясняя свою позицию, авторы реформы возлагали на реальные гимназии ответственность за распространение среди молодого поколения революционной пропаганды («пагубных лжеучений»), которая, по их мнению, усиливалась вследствие «наплыва в университеты огромной массы молодежи всех сословий».

По словам военного министра Д.А. Милютин, «консерваторы» стремились «очистить университеты от опасной массы юношей-пролетариев и водворить дисциплину вообще в среде учащейся молодежи» (8). На заседании Совета министров 28 января 1871 г. Александр II одобрил идеи гр. Д.А. Толстого, поддержанного шефом жандармов графом П.А. Шуваловым и министром внутренних дел А.Е. Тимашевым. Высказанное государем мнение фактически заранее предрешило дальнейший ход дела, хотя его еще предстояло рассмотреть «законодательным порядком» (9).

Вслед за тем при Государственном совете, на правах его департамента, было учреждено Присутствие для рассмотрения проектов по части народного просвещения под председательством гр. С.Г. Строганова. Членами Присутствия стали: наследник цесаревич Александр Александрович, П.Г. Ольденбургский, генерал-адъютант К.В. Чевкин, гр. Ф.П. Литке, гр. Е.В. Путятин, гр. В.Н. Панин, П.А. Валуев, А.В. Головнин, кн. С. Н. Урусов, К.К. Грот, а также министры – народного просвещения, финансов и военный (позднее в состав Присутствия был назначен В.П. Титов).

В конце марта 1871 г. вел. кн. Константин Николаевич лично изучил «важное дело о преобразовании гимназий» (10).

Первое заседание Присутствия «по проектам Толстого» состоялось 1 апреля. Великий князь находился на этом заседании, как он сам заметил, «со стороны, чтобы хорошо познакомиться с делом» (11). Вероятно, в тот день он еще до конца не определил собственную позицию, но был, вероятно,

не очень доволен поведением защитников реального образования и сухо констатировал: «Было ужасно спорно. Партии прямо начали обрисовываться. Реалисты – это Чевкин, Милютин и Панин главные. Как остальные разделятся – увидим» (12). «Реалисты» особенно дорожили тем обстоятельством, что к ним примкнул бывший министр юстиции гр. В.Н. Панин – деятель консервативных взглядов, имевший влияние на образ мыслей государя.

К середине апреля 1871 г. вел. кн. Константин Николаевич полностью перешел на сторону новой «учебной реформы». После заседания Присутствия 16 апреля он заметил: «Ужасно спорили и оппозиция растет» (13).

Как вспоминал Д.А. Милютин, гр. С.Г. Строганов и П.А. Валуев стояли «на стороне классицизма». Сам военный министр, К.В. Чевкин, А.В. Головнин и К.К. Грот выступали «решительными противниками» идеи Толстого. П.Г. Ольденбургский и гр. Е.В. Путятин «склонялись на сторону классицизма»; гр. В.Н. Панин, напротив, тяготел к «противникам ультра-классиков». Цесаревич не примыкал ни к одной из сторон и не выражал свою позицию «определительно».

На заседании 16 апреля Д.А. Милютин произнес речь против намеченного преобразования. Он вспоминал: «Отделив с умыслом спорный вопрос о праве на поступление в университеты, я напирал в особенности на необходимость существования и развития средних учебных заведений с общеобразовательным характером и доказывал ошибочность предположенного гр. Толстым низведения реальных училищ на степень профессиональных школ». Военного министра поддержали К.В. Чевкин, А.В. Головнин и «отчасти» министр финансов М.Х. Рейтерн. В тот момент противники министра народного просвещения набирали в Присутствии большинство голосов (14).

Проекты реформы гимназического образования были опубликованы в майском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1871 г. и стали предметом полемики между «классиками» и «реалистами». Большинство общества поддерживало «реалистов».

Но если сторонники верховенства классического образования («Московские ведомости» и др.) могли вести дискуссию с оппонентами посредством самых жестких суждений в их адрес, то противная сторона находилась под непрерывным давлением цензуры. Издание газеты «Голос», выступавшей в поддержку реальных учебных заведений, было приостановлено на четыре месяца (15).

Д.А. Милютин высмеивал личное невежество и ханжество своих оппонентов по части знания древних языков гр. Д.А. Толстого, который «не знал греческого языка и начал брать уроки только в течение лета 1871 г.», а также гр. П.А. Шувалова и А.Е. Тимашева, которые «не учились ни тому, ни другому древнему языку».

По словам военного министра, «это не мешало им в заседаниях Особого присутствия выслушивать сентенции в том смысле, что без обоих древ-

них языков нет полного развития умственных способностей человека, что лишь основательное изучение этих языков дает право на высшее образование, которое одно должно открывать путь к высшим должностям в государственной службе. И таким сентенциям смиренно подчинялись наши государственные деятели, получившие образование в Пажеском или кадетских корпусах, да и сами члены Императорской фамилии, учившиеся только “чему-нибудь и как-нибудь”» (16).

Впрочем, ни споры «классиков» и «реалистов», ни дебаты о преобразовании гимназий в Присутствии и в общем собрании Государственного совета не имели решающего значения, которое принадлежало только воле монарха. Д.А. Милютин пытался лично переубедить государя в данном вопросе, но тщетно. Александр II твердо придерживался мнения о пользе предложенной гр. Д.А. Толстым меры (17).

Вел. кн. Константину Николаевичу предстояло четко обозначить и свою позицию. Ему пришлось сильно разойтись во мнениях со своим давним соратником А.В. Головниным. 22 апреля Головнин был у великого князя. По свидетельству Константина, они «толковали про дело гимназий, и жестоко спорили, потому что он (Головнин. – В.В.) реалист» (18).

23 апреля состоялось последнее заседание Присутствия, длившееся полтора часа. На нем в поддержку гимназической реформы высказалось 8 человек, против – 6. Таким образом, Толстому ценой некоторых уступок все-таки удалось заручиться поддержкой большинства членов Присутствия.

15 мая 1871 г. проект «учебной реформы» был рассмотрен общим собранием Государственного совета. Это был последний день сессии Совета перед роспуском на каникулы («ваканции»). Августейший председатель, несомненно, стремился ускорить дело, а также избежать усиления оппозиции протаскиваемому им проекту в период летних каникул.

Военный министр Д.А. Милютин не скрывал возмущения. Он полагал, что выбор времени мотивирован намерением «устранить обстоятельное обсуждение такого важного дела и избежать лишних прений». Кроме того, ввиду невозможности провести рассмотрение на одном заседании «трех обширных Положений» вел. кн. Константин Николаевич вынес «на обсуждение только основные начала предложенной реформы собственно относительно классических гимназий, отложив все остальное до открытия новой сессии в предстоящую осень» (19).

Константин избрал наступательную тактику. «Начал прямо с учебной реформы, и поставил вопрос» (20), – отметил он в дневнике.

Последующие прения показали, с одной стороны, готовность многих членов Совета поддержать законопроект, выдвижение которого было заранее санкционировано монархом, а с другой – желание еще более многочисленных противников проекта до конца отстаивать свою позицию. «С самого открытия заседания выказалось ясно, что председатель и многие из влия-

тельных членов были уже настроены в пользу проектов Толстого», – вспоминал Д.А. Милютин. У военного министра были основания полагать, что ряд членов Государственного совета, «в том числе и сам председатель, и прочие великие князья, получили свыше *mot d'ordre* (указание – фр.)» (21).

Вел. кн. Константин Николаевич, со своей стороны, был недоволен затянувшимися дебатами в условиях дефицита времени. Великий князь писал: «Очень трудно было прения на нем (вопросе. – *В.В.*) остановить, и часто мне приходилось говорить, чтобы возвратить их к вопросу» (22). Д.А. Милютин же считал позицию председателя Совета необъективной: «Как бы то ни было, но председатель на этот раз держал себя не беспристрастно: он явно клонил в пользу классиков, не давал высказаться противной стороне и даже не допускал вовсе общих суждений об основной идее проекта. Прения были сосредоточены преимущественно на одном вопросе: следует ли или нет допускать в университет (по всем факультетам без различия) одних лишь учеников классических гимназий, окончивших в них полный курс и изучивших оба древних языка». С такой постановкой вопроса он был совершенно не согласен: «Вопрос этот вовсе не был принципиальный; он мог быть обсужден в связи с Положением о реальных училищах, тем более, что и по прежнему уставу реальных гимназий они не давали права на поступление в университет». Д.А. Милютин находил в этом не что иное, как попытку расколоть лагерь противников Толстого (правда, неудачную) (23).

В итоге большинство – 29 чел. – высказалось против основных положений проектов министра народного просвещения и в пользу сохранения Гимназического устава 1864 г. Они предлагали:

- 1) сохранить «два способа» получения общего образования – «классический и реальный»;
- 2) казенные средства, выделяемые Министерству народного просвещения, «равномерно» распределять между классическими и реальными гимназиями;
- 3) в половине гимназий Министерства народного просвещения сохранить классическую систему обучения, другую половину постепенно преобразовать в реальные гимназии;
- 4) «ввести факультативное изучение латинского языка» в реальных гимназиях и допускать их выпускников, изучавших латинский язык, на физико-математические и медицинские факультеты университетов, и др. (24).

Таким образом, противники спроектированной гр. Д.А. Толстым реформы желали постепенно укоренить принцип равноправия классического и реального образования. В их числе оказались как убежденные либералы – А.В. Головин, Д.А. Милютин, А.А. Зеленый, К.В. Чевкин, А.А. Абаза, К.К. Грот и др., так и сановники, стоявшие на консервативных позициях: А.Е. Тимашев, кн. П.П. Гагарин, кн. А.М. Горчаков, гр. В.Н. Панин, А.М. Княжевич и др.

Вел. кн. Константин Николаевич вместе со своим главным политическим оппонентом – шефом жандармов гр. П.А. Шуваловым возглавил меньшинство, поддержавшее проект Министерства народного просвещения. Единомышленниками Константина, Петра Шувалова и Толстого оказались умеренно-консервативные деятели – гр. С.Г. Строганов, гр. Е.В. Путятин, П.А. Валуев, кн. С.Н. Урусов, гр. К.И. Пален, С.А. Грейг и др. Но к ним примкнули и некоторые сановные либералы – Д.Н. Замятнин, кн. А.А. Суворов, Д.Н. Набоков. Сторону председателя Совета заняли также наследник престола и П.Г. Ольденбургский. Меньшинство устраняло равноправные и состязательные начала существования двух образовательных систем и предлагало сохранить роль приготовительных к университетам учебных заведений только за «гимназиями, основными предметами коих служат оба древние языка и математика». Реальные гимназии предстояло преобразовать в более низкие по рангу реальные училища. На высочайшее утверждение вносились следующие законодательные меры:

1) «не допускать... окончивших курс в реальных училищах ни в один из факультетов университетов»;

2) запретить преобразование классических гимназий в реальные училища;

3) классические гимназии и прогимназии впредь именовать просто гимназиями и прогимназиями, «исключить из сего свода все относящееся до реальных гимназий»;

4) «реальные гимназии оставить на прежнем основании, впредь до обсуждения Государственным советом внесенного министром народного просвещения проекта Устава о реальных училищах», и др. (25).

Д.А. Милютин, фактически возглавивший оппозицию «учебной реформе» Толстого, не скрывал удовлетворения по случаю того, что даже прямой нажим со стороны верховной власти и исполнителей ее воли не дал возможности сторонникам министра народного просвещения сколотить в Государственном совете свое большинство. «Таким образом, – резюмировал он, – несмотря на все пристрастие, с которым велись совещания, на очевидное давление свыше на многих из членов Совета, на все хитросплетения, парадоксы и софизмы графа Толстого, – все-таки оказалось в Общем собрании сильное большинство голосов против его проектов» (26).

6 (18) июня 1871 г. Александр II, находясь на отдыхе в Эмсе, утвердил мнение меньшинства. 10 июня вел. кн. Константин Николаевич получил присланные из Эмса бумаги и, по собственным словам, «к огромному счастью увидел, что дело гимназий государь разрешил вместе с нами» (27).

2 июля вышло высочайшее повеление, предписывавшее впредь допускать в университеты только лиц, окончивших полный курс классической гимназии, с аттестатом «зрелости», и внести предложенные министром народного просвещения исправления в «Устав гимназий...» 1864 г. Наконец, 30 июля царь утвердил новый «Устав гимназий...» (28).

Таким образом, дело «учебной реформы» гр. Д.А. Толстого было приведено в Государственном совете к успешному завершению.

Вел. кн. Константин Николаевич и А.А. Киреев рассчитывали заручиться поддержкой широких «консервативных» кругов в целях сплочения под своим началом всех проправительственных общественных сил. Поначалу казалось, что успех достигнут и в этом. В письме к великому князю М.Н. Катков приветствовал его решающее участие в успехе «великого дела». Он ставил реформу Толстого вровень с «крестьянской» и предостерегал от будущих происков либеральной «оппозиции» (29). Однако проповедь необходимости верховенства классического образования и полное развенчание образования реального отнюдь не пользовалась популярностью в русском обществе.

Вел. кн. Константин Николаевич не оправдал надежд М.Н. Каткова. В вопросе о преобразовании реальных гимназий в реальные училища он оказался в рядах противников министра народного просвещения. Последний, как мог, пытался повлиять на царского брата.

В октябре 1871 г. гр. Д.А. Толстой, выходя из кабинета великого князя, «поймал» А.А. Киреева и был, по словам адъютанта великого князя, «как варом облит». Вел. кн. Константин Николаевич «показался» Толстому «поколебленным относительно реальных школ», и министр просил Киреева «помочь ему» (30). Вскоре великий князь принял А.В. Головнина «ради реальных училищ» (31).

Нетрудно догадаться, каким образом Головнин отзывался о начинаниях Толстого. Константин и сам тщательно изучал дело преобразования реальных учебных заведений. Он прочитал множество записок и брошюр «по этому предмету» (32) (вероятно, не без помощи Головнина), и все более отдалялся от ранее одобренной им реформы.

В феврале 1872 г. возобновило свою деятельность Присутствие для рассмотрения проектов по части народного просвещения под председательством гр. С.Г. Строганова. После заседания Присутствия 10 февраля вел. кн. Константин Николаевич предложил обеим сторонам – сторонникам и противникам реформы реальных учебных заведений – возможные условия компромисса. При этом он имел немалую долю уверенности в успехе своих предложений. В дневнике великий князь писал: «В большинстве случаев нашел к моему предложению большое сочувствие и не теряю надежду, что мы достигнем соглашения» (33).

Вместе с тем защитникам классического образования стало ясно, что в Государственном совете «дело гимназий совершенно расклеивается». Виновниками этого А.А. Киреев считал А.В. Головнина и других близких ему по духу деятелей, которые «внушили вел[ико]му князю, что необходимо параллельно с классическим образованием вести и реальное». Киреев попытался переубедить патрона, но тот остался при своем мнении.

Вел. кн. Константин Николаевич стоял за сохранение в России двух «параллельных» систем образования. «Точно так же, как я не дал в обиду классическое воспитание, я не дам обижать и реальное, тем более что реалисты никогда не будут иметь права вступать в университет», – ответил он Кирееву. Тот доказывал великому князю, что в таком случае защитники классического образования будут разочарованы и сочтут, что «их дело проиграно», а «уровень университетского образования понизится». Константин парировал: «Да ведь я же тебе говорю, что они в университет не поступят! Параллельные линии не сходятся». Киреев с пафосом воскликнул: «В[аше] в[ысочест]во! Это так в настоящее время, на бумаге, но ежели Вы допустите еще другие обще-мнимо-образовательные заведения, которые очевидно будут посещаться более других, то мало-помалу эти воспитанники их влезут в университет. Не позабудьте, В[аше] в[ысочеств]во, что публика, *что все* исполнены недоверия к стойкости правительства, в нее *никто* не верит». Адьютант великого князя был убежден в том, что в России классическая школа является единственной подлинно образовательной системой и что именно развитие классического образования призвано укрепить пошатнувшийся авторитет правительственной власти. Великий князь оборвал разговор, неприязненно заметив: «С Катковым решительно невозможно говорить» (34).

16 февраля вел. кн. Константин Николаевич собрал у себя представителей обеих сторон – министра народного просвещения графа Д.А. Толстого и председателя департамента государственной экономии Государственного совета К.В. Чевкина. Он долго говорил с ними «по делу о реальных училищах, стараясь привести их к соглашению».

Однако достичь компромисса не удалось, и великий князь, наконец, определился с собственными предпочтениями. Отметив, что соглашение сторон «оказалось невозможным», он в дневнике добавил: «Толстой слишком упрям в своих предвзятых и непрактических мыслях» (35).

Окончательно в своей решимости перейти на сторону «оппозиции» Константин утвердился на следующий день – после заседания Присутствия. Он писал: «После недолгих споров стало ясно, что соглашения не будет, и потому пошли на голоса. С Толстым 6, а против него 9, с которыми пойду и я. Сашка (цесаревич Александр Александрович. – В.В.) тоже на нашей стороне» (36).

Теперь «нашей стороной» для вел. кн. Константина Николаевича были «реалисты». Потеряв симпатии к своему проекту со стороны цесаревича и царского брата, министр народного просвещения приобрел себе одного нового сторонника – гр. В.Н. Панина (37), который, правда, и прежде испытывал серьезные колебания.

3 апреля 1872 г. дело о преобразовании 7-классных реальных гимназий в 6-классные реальные училища рассматривалось в общем собрании Государственного совета. Полемика вокруг проекта министра народного просвещения носила весьма заурядный и прогнозируемый характер. В роли

докладчика от имени «реалистов» несколько неожиданно выступил товарищ министра финансов С.А. Грейг, прежде примыкавший к противоположному лагерю. Его поддержали Д.А. Милютин и К.В. Чевкин. Позицию «классиков» в ходе устных дебатов отстаивали гр. С.Г. Строганов, гр. В.Н. Панин и сам гр. Д.А. Толстой (38).

Проект министра народного просвещения графа Д.А. Толстого собрал 19 голосов, а против него высказалось 27 членов Совета во главе с вел. кн. Константином Николаевичем. Столь внушительная «оппозиция» предлагала:

1) не делать реальные училища 6-классными, как это предлагалось Министерством народного просвещения, а оставить 7-классными, и даже открыть специальный «приготовительный класс», а также ввести в реальных училищах общеобразовательный учебный курс без допущения в него каких-либо прикладных «реальных» дисциплин;

2) учреждать новые реальные училища как в центральных, так и в более отдаленных губерниях;

3) для развития системы реального образования дать право отдельным ведомствам, земским учреждениям, городским и сельским обществам и частным лицам, при наличии надлежащего разрешения, учреждать технические специальные училища (ремесленные, промышленные, профессиональные), и др. (39).

Как заметил кн. Д.А. Оболенский, сущность мнения, выраженного большинством членов Государственного совета, состояла в намерении «учредить реальные училища с полным образовательным курсом без всяких прикладных наук» (40). Реальное образование представлялось большинству Совета необходимой частью системы просвещения, а выпускники реальных училищ – специалистами, которые должны владеть не только профессионально-техническими, но и общеобразовательными знаниями.

Примечательно, что наряду с вел. кн. Константином Николаевичем, а также главными «реалистами» – либеральными оппонентами Толстого А.В. Головинным, Д.А. Милютиным и К.В. Чевкиным – против проекта министра народного просвещения голосовали наследник Александр Александрович, кн. А.М. Горчаков и А.Е. Тимашев. Цесаревич изменил свою прежнюю позицию, а министры иностранных и внутренних дел остались верны себе – в 1871 г. они также не поддержали Толстого. На стороне проекта министра народного просвещения в числе прочих выступили: гр. С.Г. Строганов, гр. В.Н. Панин, П.А. Валуев, кн. С.Н. Урусов, К.П. Победоносцев и некоторые умеренные либералы кн. А.А. Суворов, Д.Н. Замятнин, а также близкий сотрудник вел. кн. Константина Николаевича Б.П. Мансуров. Вместе с председателем Совета поменяли свою точку зрения С.А. Грейг и В.П. Титов, присоединившиеся к «реалистам» (41). «Всесильный» шеф жандармов гр. П.А. Шувалов отсутствовал.

Голосование членов Государственного совета по проектам министра просвещения ясно показало, что большинство членов высшего законосовещатель-

ного органа отвергает «консервативную» направленность политики министра народного просвещения и отстаивает либеральные бессословные принципы.

15 мая 1872 г. Александр II утвердил Устав о реальных училищах, учреждаемых вместо реальных гимназий.

Государь присоединился к мнению меньшинства, поддержавшего проект министра народного просвещения. Решимость монарха во что бы то ни стало обеспечить проведение «учебной реформы» историк С.С. Татищев объяснял его «неограниченным доверием» к гр. Д.А. Толстому (42). Д.А. Милютин говорил об априорной убежденности царя в правоте «усвоенного себе взгляда» как о «черте характера» и лишь сетовал, что на этот раз самодержец совершил ошибку: «К сожалению, это такая черта, которая в самодержавном монархе может в одинаковой мере иметь и благотворное, и весьма прискорбное влияние на судьбы государства, смотря по тому, в которую сторону наклонится. Чему Россия обязана великими историческими успехами в первое десятилетие царствования Александра II, тому же следует приписать и последовавшую затем систему реакции, и продолжительное зловерное влияние гр. Петра Шувалова, а также и прискорбные результаты проектированного гр. Толстым преобразования учебной части» (43).

Итак, обсуждение проектов «учебной реформы» в Государственном совете показало серьезные разногласия и колебания в рядах правительства по одному из ключевых вопросов внутренней политики. При этом оказались расколоты как консервативное, так и умеренно-либеральное крыло правительственного лагеря.

Один из главных деятелей последнего – вел. кн. Константин Николаевич (по своему статусу – второе или третье лицо в Империи) неоднократно менял свое мнение по делу о способах преобразования системы народного просвещения.

Принятие решения находилось в руках монарха, который руководствовался соображениями преимущественно личного свойства, в данном случае – «неограниченным доверием» к одному из министров. Примечательно и то, что Александр II разошелся во взглядах по данному вопросу со своими ближайшими помощниками – наследником престола и председателем Государственного совета. Первый приходился государю сыном, второй – братом. Политическая программа («система») действий у верховной власти практически отсутствовала, а элемент случайности при выработке необходимых мер был весьма велик, что только усиливало, по словам А.А. Киреева, настроения «недоверия к стойкости правительства».

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Татищев С.С.* Имп. Александр II. Его жизнь и царствование. – 2-е изд. – СПб, 1911 (переизд.: М., 1996) . – Т. 2; *Рождественский С.М.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902. – СПб, 1902; *Алешищев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII–XIX вв.). – СПб, 1912.

- (2) Очерки истории школы и педагогической мысли второй половины XIX в. / Отв. ред. А.И. Пискунов. – М., 1976; *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. – М., 1971; и др.
- (3) *Стаферова Е.Л.* А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.). – М., 2007; *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). – М., 2002.
- (4) *Катков М.Н.* Имперское слово. – М., 2002. – С. 267, 268.
- (5) *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы. – Л., 1929. – С. 115.
- (6) Дневник вел. кн. Константина Николаевича // ГАРФ. – Ф. 722. – Оп. 1. – Н.Д. 99. – Л. 66.
- (7) *Головнин А.В.* Записки для немногих. – СПб, 2004. – С. 482; РГИА. – Ф. 851. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 12 об.
- (8) *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 – начало 1873. – М., 2006. – С. 375.
- (9) Там же. – С. 376; см. также: Дневник вел. кн. Константина Николаевича // Там же. – Л. 83.
- (10) Дневник вел. кн. Константина Николаевича // Там же. – Н.Д. 100. – Л. 19 об. – 20, 22, 23.
- (11) Там же. – Л. 27.
- (12) Там же.
- (13) Там же. – Л. 36 об.
- (14) *Милютин Д.А.* Воспоминания... – С. 377–378.
- (15) См.: *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX в. – Л., 1989. – С. 109–110; *Степанов А.Ю.* Газета А.А. Краевского «Голос» (1863–1883) // Журналистика и литература. – М., 1972.
- (16) *Милютин Д.А.* Воспоминания... – С. 378–379.
- (17) Там же. – С. 379–380.
- (18) Дневник вел. кн. Константина Николаевича // Там же. – Л. 39 об.
- (19) *Милютин Д.А.* Воспоминания... – С. 380.
- (20) Дневник вел. кн. Константина Николаевича // Там же. – Л. 53 об.
- (21) *Милютин Д.А.* Воспоминания... – С. 380.
- (22) Дневник вел. кн. Константина Николаевича // Там же.
- (23) *Милютин Д.А.* Воспоминания... – С. 380–381.
- (24) РГИА. – Ф. 1245. – Оп. 1. – Н.Д. 4. – Л. 32 об. – 58 об.
- (25) Там же. – Л. 58–89.
- (26) *Милютин Д.А.* Воспоминания... – С. 381.
- (27) Дневник вел. кн. Константина Николаевича // Там же. – Л. 69.
- (28) ПСЗ-2. – Т. 46. – Отд. 2-е. – № 49860.
- (29) *Катков М.Н.* Вел. кн. Константину Николаевичу. 28 июня 1871 г. // ГАРФ. – Ф. 722. – Оп. 1. – Н.Д. 775. – Л. 1–3 об.
- (30) *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. – Ф. 126. – Н.Д. 6. – Л. 42 об.
- (31) Дневник вел. кн. Константина Николаевича // Там же. – Н.Д. 101. – Л. 41.
- (32) Там же. – Л. 45.
- (33) Там же.
- (34) *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. – Ф. 126. – Н.Д. 6. – Л. 52 об.
- (35) Дневник вел. кн. Константина Николаевича // Там же. – Л. 107 об. – 108.

- (36) Там же. – Л. 108 об.
(37) *Никитенко А.В.* Дневник. – М., 1956. – Т. 3. – С. 228.
(38) *Киреев А.А.* Дневник // ОР РГБ. – Ф. 126. – Н. Д. 6. – Л. 56.
(39) РГИА. – Ф. 1245. – Оп. 1. – Н. Д. 4. – Л. 117–193 об.
(40) Записки кн. Д.А. Оболенского. 1855–1879. – СПб, 2005. – С. 307.
(41) *Киреев А.А.* Дневник // Там же.
(42) *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. – М., 1996. – Т. 2. – С. 256.
(43) *Милютин Д.А.* Воспоминания... – С. 379–380.

**THE DISCUSSION ABOUT CLASSICAL AND REAL EDUCATION
IN RUSSIA:
THE DEBATE ON D. TOLSTOY'S «EDUCATIONAL REFORM»
IN STATE COUNCIL (1871–1872)**

V.Y. Voronin

Candidate of History, associate professor of Russian History department
The Moscow State Pedagogical University
Vernadsky Ave., 88, Moscow, Russia, 117571

This article is devoted to the important event in the Russian political history of the Great reforms epoch. It's the discussion about the role of classical and real education led in Governmental circles in the beginning of 1870s. Special attention is paid to the consideration of reform projects of gymnasium education occurred in State Council, the highest legislative institution of Empire, and to the positions elaboration of supporters and opponents of Public Education Minister D. Tolstoy.

Key words: Classical and real education, the Great reforms epoch, gymnasium, State Council, public education.